

В. Стасов

Русский народный орнамент

Выпускъ первый. Шитье, ткани, кружева

**Москва
«Книга по Требованию»**

- В11 **В. Стасов**
Русский народный орнамент: Выпуск первый. Шитье, ткани, кружева / В. Стасов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 130 с.

ISBN 978-5-458-24268-4

Как известно, Стасов был сторонником теории заимствования русских народных орнаментов, вышивок, а также устного творчества, включая былины, у других народов, т.е. отрицал самобытность русского народного искусства. "По месту, наши узоры не могли произойти специально в нашем отечестве, потому что существуют у многих других народов с незапамятных времен, гораздо раньше появления Руси на исторической сцене", - пишет Стасов. И хотя позиция Стасова по вопросу заимствования русских былин у других народов подверглась серьезной критике со стороны современных ему ученых, его установка на "заимствованный" орнамент ещё не получила серьезную оценку среди современных этнографов и искусствоведов. Но книга интересна, безусловно, не позицией Стасова, а тем, что это первый художественный альбом русской народной вышивки, изданный в России. Обычно этнографы, ссылаясь на данную книгу, любят цитировать эту мысль Стасова: "Имеют ли какое-нибудь значение изображения наших вышивок? Не просто ли это продукт фантазии и произвольная игра в линии? Никогда. Орнаменты всех вообще новых народов идут из глубокой древности, а у народов древнего мира орнамент никогда не заключал ни единой праздной линии: каждая черточка тут имеет свое значение, является словом, фразой, выражением известных понятий, представлений. Ряды орнаментистики это связанная речь, последовательная мелодия, имеющая свою основную причину и не назначенная для одних только глаз, а также и для ума и чувства».

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ.

Своеобразныя формы и красота русскаго орнамента обратили, наконецъ, на него то всеобщее вниманіе, въ которомъ ему такъ долго отказывали. Въ настоящее время, не только у насъ, въ многихъ общественныхъ музеяхъ и въ коллекціяхъ частныхъ лицъ, образовались особые отдѣлы, посвященные собранію предметовъ, гдѣ самую значительную роль играетъ русская національная орнаментистика,—но и въ Европѣ начинаютъ цѣнить и любить ея изящныя и оригинальныя особенности.

Между тѣмъ, предметы, относящіеся къ бытовой народной жизни, съ каждымъ годомъ все быстрее и быстрее исчезаютъ изъ употребленія, уступая мѣсто предметамъ новѣйшаго происхожденія и формы, которые, безъ сомнѣнія, болѣе прежнихъ соответствуютъ удобствамъ и потребностямъ современной жизни, но при этомъ утрачиваютъ качества, наслѣдованныя отъ прежнихъ эпохъ народнаго творчества: самобытную оригинальность, наивность и красоту. Поэтому-то, теперь самое время собирать и издавать эти предметы: уже слишкомъ ясно всякому наблюдателю народной жизни, что пройдетъ еще немного десятилѣтій, даже быть можетъ лѣтъ — и предметы бытовой народной жизни окончательно исчезнутъ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда.

Имѣя все это въ виду, и оцѣняя всю важность серьезнаго изученія русскаго народнаго орнамента для образованія и развитія народнаго русскаго искусства, Общество Поощренія Художниковъ рѣшилось предпринять изданіе, отдѣльные выпуски котораго заключали бы систематически собранныя и избранныя образцы вышивокъ, тканей, кружевъ, резьбы на деревѣ и на кости, производствъ металлическаго, гончарнаго, эмалирнаго, стекляннаго и т. д.

Первый выпускъ посвящается **ШИТЬЮ, ТКАНЯМЪ и КРУЖЕВАМЪ.**

I.

Изученіе памятниковъ русскаго народнаго творчества приводитъ къ заключенію, что въ вышивкахъ и тканяхъ по колѣту уцѣлѣли самыя многочисленные, самыя оригинальныя, самыя характерныя и самыя значительныя остатки національнаго русскаго художества. На полотенцахъ, простыняхъ, наволочкахъ, рубахахъ, передникахъ, женскихъ головныхъ уборахъ и т. д., т. е. вообще на предметахъ самого повсядневнаго и общераспространеннаго употребленія, на предметахъ, можно сказать, почти не покидавшихъ древняго русскаго человѣка съ утра и до вечера, съ вечера и до утра, дома въ избѣ — и на работахъ въ полѣ, въ будни — и въ праздники, присутствовавшихъ при обрядахъ начала и конца жизни каждаго, при свадьбахъ — и торжествахъ, — однимъ словомъ всегда и вездѣ — на этихъ предметахъ ярко обозначились и художественныя вкусы, и религиозныя представленія, и весь наивный складъ фантазій, комбинирующихъ соображеній, остроумныхъ расчетовъ, прилагиванія и ловкаго сплоченія разнообразныхъ составныхъ частей.

Если взглянуть на русскіе народные узоры со стороны чи

INTRODUCTION.

Les formes originales et la beauté de l'ornementation russe ont enfin attiré l'attention générale, qui lui avait été refusée si longtemps. Actuellement, ce n'est pas seulement en Russie que plusieurs musées publics et les collections des particuliers ont formé des sections spéciales, destinées à recueillir les objets divers où l'ornementation nationale russe joue le rôle le plus important, — mais encore dans le reste de l'Europe on peut remarquer l'éclosion d'une appréciation et d'un goût décidé pour les belles et curieuses particularités, de cette ornementation.

Or, les objets appartenant au cercle de la vie domestique nationale, disparaissent de l'usage général avec une rapidité qui ne fait que s'accroître d'année en année, pour céder la place à des objets de provenance et de forme moderne, lesquels, tout en possédant, sans nul doute, des qualités plus conformes aux convenances et aux nécessités actuelles, perdent néanmoins ce qui leur avait été légué par les époques à ténacité de la création nationale — leur originalité merveilleuse, leur naïveté et leur beauté. C'est pour cela qu'il est bien temps aujourd'hui de recueillir et de publier ce genre d'objets: celui qui étudie la vie des peuples ne voit que trop clairement, qu'il se passera peu de dizaines d'années, de simples années même, et les objets appartenant à la vie intérieure nationale auront cessé d'exister, sans laisser aucune trace.

Pénétrée de ces motifs, et ayant la conscience de toute l'importance d'une étude approfondie de l'ornementation russe pour la formation et le développement de l'art national, la Société d'encouragement des artistes a résolu d'entreprendre une édition, dont les livraisons séparées contiendraient des échantillons, systématiquement réunis et choisis, de la broderie, des dessins tissés, des dentelles, de la sculpture sur bois et sur os, des travaux sur métaux, de la poterie, des émaux, de la verrerie etc.

La première livraison est consacrée aux dessins **brodés et tissés** et aux **dentelles.**

I.

L'étude des monuments nationaux russes porte à conclure, que les dessins brodés, ou tissés dans la toile nous ont conservé les restes les plus nombreux, les plus originaux, les plus caractéristiques et les plus importants de l'ancien art russe. Sur les essuie-mains, sur les draps de lit, sur les taies d'oreiller, sur les chemises, sur les tabliers, sur les coiffures de femme etc., c'est-à-dire en général sur les objets d'un usage constant et universel, sur les objets qui, ont peut le dire, ne quittaient jamais l'ancien homme russe, du soir au matin, et du matin au soir, à la maison dans son *izba* — et au milieu de ses labeurs aux champs, durant les jours de travail — et aux jours de fête, employés dans les cérémonies du commencement et de la fin de la vie de chacun, à la noce et aux funérailles — sur ces objets, disons nous, se sont manifestés, d'une manière éclatante, et les goûts artistiques, et les représentations religieuses, en même temps que toute la somme de fantaisie, des combinaisons, des calculs ingénieux, de l'adaptation et de l'amalgame des divers éléments ornementaux.

Si l'on jette un coup-d'œil sur ces dessins, ne fut-ce qu'au

сто-художественной, эстетической, то нельзя не найти здесь любопытные и полные вкуса образцы такой игры линий, такой мастерской распорядительности с самым узором и с промежуточными его фонами, которые свидетельствуют об очень значительном художественном чутьи и опытности, и должны оказаться драгоценным руководством и советом современному нашему художнику, когда он пожелает творить в области и в характере национального искусства. Нельзя без особенного интереса не следить шаг-за-шагом, по узорам полотенца, простыни или головного убора, за тем, как первые сочинители узора ставили всегда—это очевидно—наперед главную, среднюю фигуру, или же, где того требовала задача или сюжет, главный ряд фигур, а потом уже наполняли всё оставшиеся промежутки тщательно выбранными формами, имевшими второстепенную важность в религиозном или художественном отношении, но близко относившимися к главному сюжету, и в техническом отношении мастерски и расчетливо соответствовавшими данному пространству. При этом, гармонический экилбр и постоянное соответствие между цветными пространствами, занятыми шитьем и белыми полосками холста, оставшимися пустыми—истинно изумительны, и не может не остановиться на себе всего внимания художника: чем больше у него вкуса, чем у него глаз образованнее—тем больше он будет сознать примечательные качества древних наших вышивок.

Но кроме этой, покуда еще внешней, стороны изящества и интереса для глаза, русское шитье представляет много других еще любопытных и важных элементов. Здесь лежат драгоценные и, покуда, еще нетронутые материалы для изучения разных сторон древне-русской национальности вообще, и именно на это мы и считаем необходимым указать в кратких чертах.

Настоящее издание не имело возможности представить все, что заключают в себе важные или любопытные русские вышивки—материал слишком огромен—но даже и собранные здесь образцы содержат немало значительных фактов.

И, во-первых, они доказывают, что орнаментистика эта распространена по всем областям собственной великороссии (Малороссии, или южная Россия, имеет свою систему узоров, иногда родственную с великорусскою, но в большинстве случаев отличную от ней, и скорее схожую с орнаментикой юго-западных славян, болгар, сербов и т. д.). Мы представляем образцы орнаментистики из **северного** края: губерний Новгородской, Псковской, Тверской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской, С.-Петербургской; из **восточного** края: губерний Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Воронежской, Саратовской; из **западного** края: губерний Смоленской, Витебской, Гродненской; наконец из **центральных** наших губерний: Московской, Орловской, Тульской.—Об особенностях орнаментистики каждого края мы будем говорить ниже.

Предметы, на которых находятся вышитые народные узоры, постоянно одни и те же во всех разнообразных, только что нечисленных нами, русских местностях. Самое главное место между этими предметами, по общему распространению и громадному повсеместному употреблению, занимают—**полотенца**. Назначение их довольно разнообразно. Так, наприм., они служат для украшения пелёк по праздникам, и тут, развешенные рядами на веревочках, тянувшихся по стенам, являются чем-то в родъ наивной, первобытной *картинной галереи* русского крестьянина, навёрное более древней чем наклеенные на стенах раскрашенные «лубочные картинки»; в этой же пелёк они навешиваются, опять-таки для украшения, вокруг крестьянского зеркала, шкафа с посу-

point de vue purement esthétique, il serait difficile de ne point trouver ici des échantillons pleins de goût et d'intérêt, des échantillons remplis d'un jeu de lignes et de combinaisons savantes entre le corps même de la broderie—et les fonds, qui témoignent d'un sentiment artistique et d'une dextérité considérables, et qui ne peuvent manquer de guider notre artiste contemporain, lorsqu'il se donnera la tâche de travailler suivant la caractere et dans le domaine de l'art national. Il est impossible de ne pas suivre, pas-à-pas, avec l'intérêt le plus vif, sur les ornements d'un essuie-main, d'un drap-de-lit ou d'une coiffure, la méthode employée par les premiers créateurs d'un dessin. Ils plaçaient d'abord—ceci est absolument apparent—la figure la plus importante, celle du centre, ou bien, là où telle était la donnée et le sujet, la principale suite ou rangée de figures, et, pour remplir ensuite les interstices restés libres, ils intercalaient des formes choisies avec précision, des formes n'ayant qu'une signification secondaire sous le rapport religieux ou artistique, mais touchant de près au sujet principal, et s'adaptant d'une manière merveilleuse à la surface donnée. Et c'est ici que l'équilibre harmonieux et le rapport constant entre les espaces coloriés, remplis de broderie—et les espaces restés blancs sur la toile—est vraiment étonnant et ne peut manquer d'attirer toute l'attention de l'artiste: plus il aura de goût, plus son œil sera exercé, et plus il aura conscience des qualités remarquables de nos anciennes broderies.

Mais, en outre de ces éléments, de beauté et d'intérêt pour l'œil, qui ne sont encore qu'extérieurs, les broderies russes en offrent d'autres non moins curieux et importants. Ici se trouvent des matériaux précieux—et encore intacts—pour l'étude de l'ancienne nationalité russe en général, et c'est précisément ce point que nous croyons nécessaire d'esquisser à grands traits.

Le présent ouvrage ne saurait offrir tout ce qu'il y a d'important ou de curieux en fait de broderies russes—les matériaux étant trop abondants—mais cela même qui a trouvé ici sa place ne contient pas peu de faits remarquables.

Et d'abord, les échantillons représentés sur nos planches démontrent, que cette ornementation est répandue dans toutes les régions de la grande-Russie proprement dite (la Petite-Russie ou la Russie du Sud possède un système d'ornementation qui lui est propre, qui quelquefois a des points de contact avec l'ornementation de la Grande-Russie, mais dans la majorité des cas en est parfaitement distincte, et se rapproche plutôt de l'ornementation des slaves occidentaux du Sud, tels que Serbes, Bulgares etc.) Nous offrons des échantillons de l'ornementation de la zone **septentrionale**: gouvernements de Novgorod, de Pskoff, de Twer, d'Olonetz, de Wologda, d'Arkhangelsk, de St-Petersbourg; de la zone **orientale**: gouvernements de Wladimir, de Yaroslaff, de Kostroma, de Nijny-Novgorod, de Simbirsk, de Penza, de Woronéje, de Saratoff; de la zone **occidentale**: gouvernements de Smolensk, de Witebsk, de Grodno; enfin de la zone **centrale**: gouvernements de Moscou, d'Orel, de Toula. Quant aux particularités de l'ornementation de chaque zone, il en sera parlé plus bas.

Les objets contenant des exemples de l'ornementation nationale, sont constamment les mêmes dans les localités différentes que nous venons d'énumérer. Dans ce nombre les plus universellement répandus et les plus communément employés sont—les **essuie-mains**, dont la destination est assez variée. C'est ainsi que, par exemple, ils servent à orner l'*izba*, les jours de fête, et à cet effet on les suspend, par rangées, à des ficelles tendues le long mur: ils jouent dans ce cas le rôle d'une naïve et primitive *galerie de tableaux* du paysan russe, galerie à coup sûr plus ancienne, que les images populaires gravées et coloriées; dans la même izba, ces essuie-mains sont appendus, également en vue d'embellissement, autour du miroir et de l'armoire à vaisselle du paysan, ainsi qu'autour de ses images saintes; ensuite,

дой, и около образов; далѣе, полотенца вѣшаются, въ качествѣ ex-voto, на престахъ, поставленныхъ въ деревнѣ на перекресткахъ. Потомъ, полотенца играютъ очень важную роль на свадьбѣ: еще будучи молодыми дѣвушками, будущія невесты начинаютъ заготовлять ихъ какъ можно болѣе, хранить въ своемъ сундукѣ, какъ одну изъ главныхъ частей своего будущаго приданаго, и въ день свадьбы раздариваютъ ихъ множеству поѣзжанамъ; шитыми-же полотенцами перевиваютъ дугу и сбрую на лошадяхъ свадебнаго поѣзда.

Второе мѣсто занимаютъ **простыни**: ими постилаютъ, по праздникамъ, или вообще въ знакъ особенной торжественности (напр. при свадьбѣ)—постели; сверхъ того, ими покрываютъ, свѣшивая съ задка, свадебныя телѣги и сани.

Далѣе слѣдуютъ **пологи** и **наволоки**, которые въ самомъ разукрашенномъ своемъ видѣ въ особенности назначаются для свадьбы.

Ширинка—небольшой кусокъ холстины, вышитый по концамъ, вѣшается черезъ плечо дружкѣ на свадьбѣ, иногда поспѣ въ видѣ кушака, или же, будучи малаго размѣра, заткнута въ мѣсто платка за кушакъ.

Рубахи мужскія и женскія вышиваются по подолу, по вороту и по плечьямъ; сверхъ того мужскія—по низу рукавовъ.

Женскіе передники, съ рукавами и безъ рукавовъ (въ разныхъ мѣстностяхъ носящіе разные названія: *запонъ, нарукавникъ*), бываютъ иногда отъ низу и почти сплошь доверху покрыты шитьемъ.

Многочисленные и разнообразныя женскіе **головные уборы**, какъ-то: кокошники, кики, сороки, короны или коруны, повойники, вѣнцы, платки, ленты и т. д., отличаются множествомъ шитыхъ узоровъ, и ихъ употребленіе кажется дотогѣ существеннымъ, что не рѣдкость встрѣтить въ деревняхъ замужнихъ женщинъ, или дѣвушекъ, идущихъ босикомъ и одѣтыхъ въ довольно грубыя платки, но въ головныхъ уборахъ, покрытыхъ богатыми узорами.

Наконецъ, къ позднѣйшему времени, хотя все еще сохраняя особенности національной орнаментистики, принадлежатъ разные предметы церковнаго и свѣтскаго употребленія, наприм.: **ризы, пелены, женскіе ридикюли, кисеты** и т. д.

Материалы, служащіе для выполненія всѣхъ этихъ узоровъ, очень разнообразны и въ этомъ отношеніи вышитые предметы распадутся на нѣсколько группъ.

Первая между ними—это огромная и всего болѣе распространенная группа предметовъ, гдѣ узоры вышиты *красной бумагой* или *бѣлыми нитками*, по холсту. Менѣе распространено шитье *красной бумагой*, но въ добавокъ къ тому и *синими нитками*. Еще менѣе предметовъ шитыхъ разноцвѣтными *шелками* (иногда съ золотомъ). Всего рѣже вообще употребляется на вышивки—разноцвѣтная *шерсть* (этотъ матеріалъ особенно характеризуетъ восточную нашу полосу).—Предметы, относящіеся къ этой группѣ, слѣдующіе: полотенца, простыни, пологи, наволоки, ширинки, рубахи, передники. Главный узоръ обыкновенно вышивается на самомъ холстѣ, а иногда пришивается; затѣмъ слѣдуютъ другія меньшія полосы, отдѣленные отъ главной, и одна отъ другой—полосами краснаго, рѣже синяго кушака. Главная вышивка называется *узоромъ*, а прочія—*верхними* и *нижними подзорами*. Подъ всѣмъ низу подшивается русское узорчатое кружево. Чѣмъ болѣе рядовъ или этажей шитья, тѣмъ полотно, простыня или передникъ богаче и цѣннѣе.

Вторую группу составляютъ женскіе головные уборы, изъ ко-

онъ les fixe en qualité d'ex-voto, sur les croix érigées aux carrefours des villages. Puis les essuie-mains jouent un rôle fort important dans les nœces: encore jeunes filles, les futures promises en confectionnent le plus grand nombre possible, les conservent dans leurs coffres comme l'une des parties essentielles de leur dot futur, et au jour de la nœce, en distribuent un nombre considérable aux assissants de l'autre sexe; on entortille également d'essuie-mains brodés la *douga* et le harnais des chevaux d'attelage de la nœce

En second lieu viennent les **draps-de-lit**: on en couvre, les jours de fête, et en général en signe de solennité quelconque (par exemple à l'occasion d'une nœce)—le lit; en outre, étant suspendus derrière le siège, ils servent à orner le chariot ou le traineau de nœce.

Suivent les **rideaux de lits** et les **taies d'oreiller**, qui, le plus chargés d'ornements, font particulièrement partie des splendeurs de la nœce.

La **shirinka**—une pièce étroite de toile brodée (aux extrémités) est portée par le garçon de nœce en sautoir, quelquefois en forme de ceinture, ou bien, lorsqu'elle est de petite dimension, est fixée au lieu de mouchoir de poche dans la ceinture.

Les **chemises** d'homme et de femme sont brodées par en bas, au col et sur les épaules; en outre, les chemises d'homme, au bas des manches.

Les **tabliers de femme**, avec manches ou sans manches (portant dans différentes provinces des noms différents) sont quelquefois presque complètement couverts de bas en haut de broderies.

Les **coiffures de femme**, nombreuses et variées, telles que *kokoshniks, kikas, sorokas, couronnes, diadèmes, potočniks, mouchoirs, rubans de tête* etc., se distinguent par une grande profusion de dessins brodés, et l'usage paraît en être tellement essentiel, qu'il n'est pas rare de voir dans les villages, des femmes ou des jeunes filles allant pieds-nus et vêtues de robes assez grossières, mais portant sur la tête des coiffures couvertes de riches dessins.

Enfin, appartenant déjà à des périodes postérieures, quoique conservant encore les particularités de l'ornementation nationale, viennent se ranger ici divers objets d'usage religieux ou mondain, tels que: **chasubles, couvertures d'usage ecclésiastique, sacs de femme, bourses diverses** etc.

Les **matériaux** servant à l'exécution de tous ces dessins, sont très nombreux, et sous ce rapport, les objets brodés offrent plusieurs groupes.

Le premier, le plus nombreux et ayant le plus d'extension, est celui des objets, sur lesquels les dessins sont brodés en *colon rouge* ou en *fil blanc*, sur fond de toile. Moins répandue est la broderie en *colon rouge* et en même temps en *fil bleu*. On trouve encore moins d'objets brodés en *soies* de diverses couleurs (quelquefois avec de l'or). Le moins souvent on trouve l'emploi, pour la broderie, des *laines* de diverses couleurs (ces dernières caractérisent plus particulièrement notre zone orientale). Les objets appartenant à ce groupe, sont les suivants: essuie-mains, draps-de-lit, rideaux de lit, taies d'oreiller, shirinkas, chemises, tabliers. Le dessin principal est ordinairement brodé sur la toile même, et quelquefois rapporté; il s'y trouve quelquefois en dessous et plus rarement en dessus, d'autres bandes de dessins, de moindre valeur, séparées l'une de l'autre par des bandes de *koumatsh* (étouffe de coton) rouge, rarement bleu. La bande principale porte le nom de *ouzor* (dessin), les autres celui de *podzor* (frise ou corniche) *supérieur* et *inférieur*. Le tout est bordé en bas d'une dentelle ornementée russe. Plus il y a de rangées ou étages brodés, plus l'essuie-mains, le drap-de-lit ou le tablier est considéré comme riche et de haut prix.

Le second groupe contient les coiffures de femme dont les

торых одни шиты, по большей части, по холсту, реже по шелковым материям—золотом, шелками, блестками и жемчугом, — а другие, по тому же фону, разноцветною шерстью и шелком (как и в предыдущей группе, шерсть есть особенность восточной нашей полосы).

Предметы третьей группы: ризы и проч., бывают выполнены то просто по холсту, то по шелковым материям: атласу, штофу, парчи, бархату; сообразно с фоном различны и материалы для выполнения шитья: в одних случаях оно очень простое, в других — оно состоит из золота, шелков, жемчуга, и т. д.

Способы вышиванья также очень разнообразны. Главных групп две: *вышиванье на рукав* и *вышиванье в пяточках*.

К первой группе относится один только вид: *шитье двустороннее*, которого примѣры представляют наши рисунки №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10 и т. д.; имя его происходит оттого, что с обеих сторон холста появляется совершенно один и тот же узор. Оно также, смотря по местности, называется: *въ клетку* и *по росписи*. Шитье, в большинстве случаев, красной бумагой; иногда частью и синими нитками (напр. №№ 197 и 210). Это самое долгое шитье, потому что шьется вдвойнѣ; вышитъ съ тѣмъ, это, по всей вѣроятности, и самое древнее наше шитье. Двустороннее шитье имѣет свои подразделения: *крупная клетка*, *мелкая клетка* или *мелкопись* — самый продолжительный способ, — и *косая стежка* (примѣры последней: звѣзда въ № 2, лучистые цветки въ № 115 и т. д.).

Между видами второй группы первое мѣсто занимает *шитье крестиками* (см. наприм. №№ 6, 16, 18, 23, 25 и т. д.). Въ иных мѣстах оно также называется: *верхний шов*, *въ пяточку*, *по машинному*, *на отманѣ*, *расколъ*. Шьется всего чаще красной бумагой; но кромѣ того: синими нитками (№ 124), разноцветными шерстями (№№ 36, 37, 44, 45 и т. д.), разноцветными шелками (№№ 80, 81, 82, 83, 161, 162 и т. д.). Это шитье гораздо скорѣе предыдущаго.

Далѣе слѣдует самое скорое шитье — *наборомъ* (см. наприм. №№ 28, 35, многогранники въ № 67; 71, крупные цветы въ № 73; 74, средняя полоса № 78; дерево въ № 108, и т. д.). Шитье это состоитъ въ томъ, что нитка постоянно играетъ вверхъ и внизъ, какъ при тканьи, такъ что одинъ стежокъ приходится на лицѣ, а слѣдующій на изнанкѣ холста. Другія названія этого шитья: *бранью*, *по-браному*, *выкладкой*. Шьется красной бумагой, иногда и синими нитками.

Чрезвычайно оригинально такъ называемое шитье *по-вырѣзи*, состоящее изъ сквознаго фона и плотнаго узора. Этотъ родъ шитья раздѣляется на два вида: *шитье собственно по-вырѣзи*, выполняемое такимъ образомъ, что изъ холста выдергиваются нити (обыкновенно 4 выдергиваются и 4 остаются, потомъ опять 4 выдергиваются и 4 остаются, и т. д.), и послѣ того, иглой съ бѣлой ниткой схватываются оставленныя въ холстѣ нити такъ, что образуется желаемый узоръ (см. №№ 19, 43, 54, 139, 146, 212 и т. д.), — и шитье *по-перевити*, выполняемое такимъ образомъ, что всѣ оставшіяся невыдерганными изъ холста нити перевиваются иглой съ ниткой, такъ что образуется какъ бы толстая канва, и по ней уже настилаютъ извѣстный узоръ (см. №№ 49, 51, 52, 65, 103, 215 и т. д.). Образцы встрѣчающагося иногда шитья по-перевити, съ употребленіемъ также красной бумаги, и разноцветныхъ нитокъ или шелковъ — №№ 11, 43, 54, 147 а). Первый способъ служить для простѣйшихъ рисунковъ, второй для болѣе сложныхъ. Вообще же шитье по вырѣзи, повидимому, очень древнее, наравнѣ съ шитьемъ двустороннимъ.

уныя шитья, для большей части, по холсту, реже по шелковым материям — золотом, шелками, блестками и жемчугом, — а другие, по тому же фону, разноцветною шерстью и шелком (как и в предыдущей группе, шерсть есть особенность восточной нашей полосы).

Предметы третьей группы: часубы, etc. sont exécutés tantôt simplement sur toile, tantôt sur étoffes en soie, satin, damas, brocard, velours; suivant le fond, varient les matériaux servant à la broderie: dans certains cas ils sont simples, et dans d'autres ils consistent en or, soies, perles etc.

Les genres de broderie sont également très-variés. Il y a ici deux groupes principaux: *broderie à la main* et *broderie au métier*.

Le premier groupe ne contient qu'un seul sous-genre, la *broderie sans envers*, dont les exemples nous sont offerts par nos dessins №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10 etc. Le nom vient de ce que la toile montre des deux côtés exactement le même dessin. Les autres noms de cette broderie dans différentes provinces, sont: *brod. quadrillée*, *brod. d'après modèle*. Le dessin est exécuté, pour la majeure partie, en coton rouge, quelquefois aussi en partie en fil bleu (les №№ 197 et 210). Ce genre de broderie est le plus lent, car on doit l'exécuter en double; en même temps, selon toute probabilité, c'est notre plus ancien genre de broderie. Les sous-divisions de la broderie sans envers sont: le *grand* et le *petit quadrillé* (ce dernier s'appelle encore *dessin minuscule*, qui est le procédé le plus long) et le *point oblique* (nous avons des exemples de ce dernier dans les étoiles du № 2, dans les fleurs radiées du № 115 etc.).

Parmi les espèces du second groupe, la première place appartient au *point croisé* (voyez les №№ 6, 16, 18, 23, 25 etc.). Dans plusieurs localités, ce genre de broderie est aussi appelé *brod. en dessus*, *brod. au talon*, *brod. au point courant*, *brod. en deux*. Elle est exécutée le plus souvent en coton rouge, mais aussi: en fil bleu (v. le № 124), en laines de couleurs diverses (v. les №№ 36, 37, 44, 45 etc.), en soies diverses (v. les №№ 80—83, 161, 162 etc.). Cette broderie est bien plus expéditive que la précédente.

Après cela suit la broderie la plus rapide, la broderie à *point devant* (pour exemples v. №№ 28, 35, les polygones du № 67; 71, les grandes fleurs du № 73; 74, la bande moyenne du № 78; l'arbre du № 108, etc.). Le procédé de la broderie consiste en ce que le fil va est vient à travers la toile, comme dans le tissage, de sorte qu'un point apparait sur l'avant, et le suivant sur le revers de la toile. Les autres noms de cette broderie sont: *brod. de tissage*, *brod. de plaquage*. Elle est exécutée en coton rouge, quelquefois aussi en fil bleu.

Un genre de broderie fort original est la broderie à *fil tiré*, consistant en un fond à jour et un dessin compacte. Il y a ici deux sous-genres: l'un est la *brod. à fil tiré proprement dite*, qui consiste à tirer de la toile un nombre de fils (ordinairement 4 fils tirés sont suivis par autant de fils restés en place, ensuite viennent 4 autres fils tirés suivis de 4 fils conservés, etc.), après quoi avec une aiguille et un fil blanc on exécute sur les fils restés en place le dessin voulu; l'autre sous-genre est la *brod. à l'entortillé*, qui consiste à entortiller, au moyen d'une aiguille avec fil blanc, chacun des fils conservés dans la toile, ce qui forme un genre de canevas épais, et c'est sur ce fond qu'on plaque le dessin voulu (v. les №№ 49, 51, 52, 65, 103, 215, etc.). Des exemples de la broderie à *l'entortillé*, exécutée au moyen de coton rouge, de fils et de soies de diverses couleurs, ajoutées au fil blancs se voient aux №№ 11, 43, 54, 147 а). Le premier genre de broderie est affecté aux dessins simples, le second — aux dessins compliqués. En général, la broderie à fil tiré semble être très-ancienne, au même degré que la broderie sans envers.

Тканые узоры воспроизводят (обыкновенно красной бумагой) рисунки всех этих четырех родов, но ограничиваясь впрочем одними только геометрическими фигурами, крестами, звездами ромбами и т. д. (см. №№ 20, 26, 34, 50); иногда, кроме красной бумаги, узор ткнут и разноцветными нитками (см. № 48).

В последнее время стало вводиться шитье *въ тамбур* (см. №№ 110, 112, 147, 148 и т. д.), но исполняемые этим способом узоры хотя и воспроизводят многие старые образцы, но обыкновенно бывают очень искажены и грубы.

Кружево, очень разнообразных и изящных узоров, плетется по большей части белыми нитками (№№ 43, 54, 68, 99 *bis*, 112 *bis*, 185, 215); но иногда белое кружево прошивается красной бумагой и цветными нитками (№№ 124, 147 *a*). Кружевами особенно славится Орловская губерния, всего больше Мценский уезд.

В заключение этого обзора родов вышивания заметим, что многие из узоров носят своеобразные народные прозвища. Одни из них происходят от имени места и лиц, наприм. *Самерка* (№ 114), от озера Самра, *Заянский* (от села Заянья), *Баклачевский* (№ 39), *Аленин* (№ 47); другие от имени предметов, с которыми имеют, по понятию народного, сходства, наприм. *крестовый* (№№ 84, 85, 150), *кашиновые листья* (№№ 7, 78), *яблоки* (№ 104), *ручеек* (№ 198)—от изображенных тут громадных рук, мышинных тропки (№ 38), *витой ключ* (№ 36) и т. д.

II.

Къ какому времени относятся наши узоры? Древняго-ли они происхождения, или новаго? Вотъ вопросы величайшей важности, на которые однакоже въ русской ученой литературѣ нельзя найти отвѣта, потому что она и вообще покуда этимъ предметомъ не занималась, повидимому не считая его достаточно важнымъ. Что же касается мнѣній, высказываемыхъ людьми, даже имѣющими нѣкоторое понятие о народной бытовой нашей жизни, то они, въ большинствѣ случаевъ, совершенно далеки отъ истины. Такъ, напр., большинство убѣждено у насъ, какъ въ чемъ-то совершенно несомнѣнномъ, что узоры нашихъ полотенецъ, простынь и т. д.—ничто иное, какъ капризные выдумки и случайная фантазія крестьянокъ, вышивавшихъ тѣ предметы, или же—помощниковъ и помощницъ, выдумывавшихъ или заказывавшихъ тѣ узоры. Очень часто можно услышать ссылки на то, что вотъ такая-то крестьянка, замужняя женщина или дѣвушка такой-то губерніи, уѣзда, и деревни, именно славилась *выдумываемыми, сочиняемыми* ею узорами; что такая-то помощница приказывала своимъ крестьянкамъ или дворовымъ дѣвушкамъ копировать въ своихъ вышивкахъ тѣ или другіе узоры; что такіе фигуры, какъ наприм. двуглавая птица, оттого такъ часто встрѣчаются на полотенцахъ и проч., что онѣ скопированы прямо съ двуглавыхъ орловъ на мѣдныхъ пятакахъ, при недостаткѣ другихъ оригиналовъ служившихъ образчиками; что другіе фигуры, какъ напр. «птица сирий» и т. п., скопированы съ лубочныхъ картинокъ, и т. д. Въ свою очередь, другіе люди, имѣющие претензію быть глубокомысленными и научными, утверждаютъ, что узоры нашихъ полотенецъ, простынь и проч. имѣютъ происхождение, которое очень легко опредѣлить и столько же легко приурочить къ той или другой эпохѣ. Такъ напр., разныя фигуры крестовъ доказываютъ (говорятъ они) происхождение религиозное, христіанское, и чтобы установить эпохи, въ которымъ онѣ именно относятся, стоитъ только начать отъ самой простѣйшей фигуры, всего болѣе приближающейся къ формѣ обыкновеннаго перекрестнаго, равносторонняго креста, и идти потомъ къ другимъ, болѣе сложнымъ или уклоняющимся формамъ, являющимся представителями временъ позднѣйшихъ; двуглавая птица—это парскіе двуглавые орлы, доказывающіе происхождение не ранѣе XVI-го столѣтія; зданія

Les dessins *tissés* reproduisent (ordinairement en coton rouge) les figures de toutes ces quatre catégories, mais se bornent uniquement aux figures géométriques, telles que croix, étoiles, losanges etc. (v. les №№ 20, 26, 34, 50); quelquefois le dessin est aussi tissé en fils de couleurs diverses (v. le № 48).

A une époque moderne a commencé à s'introduire la broderie *au tambour* (v. les №№ 110, 112, 147, 148 etc.), mais les dessins exécutés de cette façon, quoique reproduisant des originaux anciens, sont pour la plupart considérablement estropiés et grossiers.

Les *dentelles*, de dessins fort variés et élégants, sont ordinairement confectionnées en fil blanc (№№ 43, 54, 68, 99 *bis*, 112 *bis*, 185, 215); cependant la dentelle blanche est aussi quelquefois entrelacée de coton rouge et de fils de diverses couleurs №№ 124, 147 *a*). Le gouvernement d'Orel (et particulièrement le district de Mzensk) est fameux par ses dentelles.

En terminant cet aperçu des genres de broderie, nous observerons, que plusieurs des dessins mentionnés portent des noms nationaux fort originaux. Les uns viennent de noms de lieux et de personnes, par exemple *Samerka* (№ 114), du lac de Samra, *Zayansky* (du village de Zayanié), *Baklatshevsky* (№ 39), dessin d'*Hélène* (№ 47); les autres—du nom des objets, aux quels ils ressemblent selon l'idée populaire; par exemple *croix ornée* (№№ 84, 85, 150), *feuilles d'obier* (№№ 7, 78), *pommes* (№ 104), *les mains* (№ 198), ce dernier à cause des mains énormes qu'il représente, *petits sentiers de souris* (№ 38), *clef en spirale* (№ 36) etc.

II.

De quelle époque proviennent nos dessins ornementaux? Sont-ils anciens ou modernes? Voilà une question de la plus haute importance, à laquelle cependant nous ne trouvons point jusqu'à ce jour de réponse dans la littérature scientifique russe, qui ne s'en est même pas encore occupée, la regardant apparemment comme peu sérieuse. Quant aux opinions des personnes qui ont même une certaine connaissance des objets appartenant au cercle de la vie intérieure du peuple—elles sont, pour la plupart, fort loin de la vérité. C'est ainsi, par exemple, que chez nous la majorité est persuadée comme d'une vérité complètement indubitable, que les dessins de nos essuie-mains, de nos draps-de-lit etc., ne sont autre chose que des inventions capricieuses et des fantaisies fortuites des paysannes, par qui elles sont produites, ou bien de mesdames et de messieurs les propriétaires, qui auraient inventé ou commandé ces dessins. Il n'est pas rare d'entendre dire, que telle ou telle paysanne, femme mariée ou jeune fille, habitante de tel gouvernement, de tel district et de tel village, a joui de la plus haute célébrité à cause des dessins *inventés* ou *composés* par elle; que telle dame-propriétaire avait maintes fois ordonné à ses paysannes ou à ses servantes de reproduire, dans leurs broderies, tels ou tels dessins; que certaines figures telles que, par ex., les oiseaux à deux têtes, se retrouvent si souvent sur les essuie-mains etc., parce qu'elles sont copiées immédiatement d'après les aigles à deux têtes des gros sous, faute de meilleurs modèles; que d'autres figures, par excellence des «oiseaux-syrènes» sont copiées d'après des pièces de l'imagerie populaire, etc. A leur tour, d'autres personnes, ayant des prétentions à la profondeur et à la science, affirment que nos dessins ont une provenance qu'il serait facile de déterminer et de ranger à telle ou telle époque. C'est ainsi que les différentes figures de croix prouvent (disent-ils) une provenance religieuse chrétienne, et pour fixer exactement les époques auxquelles elles se rapportent, il suffirait de commencer d'abord par la figure la plus simple, celle qui se rapproche la plus de la forme de la croix ecclésiastique commune, équilatérale, et passer ensuite aux autres formes, plus compliquées ou divergentes, qui appartiennent à des temps postérieurs; les oiseaux à deux têtes—ce sont les aigles à deux têtes des czars, témoignant d'une ori-

съ крестами наверху — это церкви, всегда бывшія передъ главами выпивавшихъ крестьянокъ и т. д.

Все это невѣрно и не имѣетъ ровно никакого значенія при объясненіи нашихъ узоровъ. Происхожденіе ихъ совершенно другое.

Безъ сомнѣнія, въ огромной массѣ русскихъ шитыхъ узоровъ есть нѣкоторое количество такихъ, которые выдуманы помѣщиками и крестьянками, въ новѣйшія времена, или скопированы или съ какихъ-нибудь попадавшихся имъ на глаза предметовъ; но процентъ ихъ въ общей сложности такъ малъ, такъ ничтоженъ, что о немъ не стоитъ говорить. Между тѣмъ, сколько ни разспрашивай, въ любомъ углу Россіи, крестьянокъ, вышивающихъ полотенца, простыни, головные уборы и проч., всюду постоянно услышишь, что онѣ шьютъ, хотя и на память, но всегда по прежнимъ, *изстари* ведущимся образцамъ, передаваемымъ изъ рода въ родъ. Въ то же время, столько же ошибочно предположеніе о христіанскомъ, царскомъ или государственномъ и тому подобномъ происхожденіи ихъ.

И по мѣсту, и по времени, наши узоры никакъ не могутъ принадлежать туда, куда ихъ хотѣли бы отнести, по незнанію.

По времени — они не принадлежатъ ко времени царскому, потому что тѣ фигуры, которыя (какъ наприм. двуглавыя птицы) на первый взглядъ относятся какъ будто бы специально ко времени царскому, встрѣчаются у насъ уже гораздо ранѣе учрежденія царскаго достоинства и принятія двуглаваго государственнаго орла; на многихъ памятникахъ, совершенно иного содержанія и значенія, и доказываютъ, что надо имъ искать другаго объясненія. Тѣ же между другими фигурами, которыя на первый взглядъ кажутся (какъ наприм. разнаго вида кресты) принадлежащими къ кругу христіанскихъ идей и изображеній, встрѣчаются въ огромномъ количествѣ уже и во времена, задолго предшествовавшія христіанству.

По мѣсту, наши узоры не могли произойти специально въ нашемъ отечествѣ, потому что существуютъ у многихъ другихъ народовъ съ незапамятныхъ временъ, гораздо раньше появленія Руси на исторической сценѣ. Эти-то вопросы и слѣдуетъ разсматривать.

У насъ есть подъ руками цѣлый рядъ памятниковъ, позволяющихъ приурочивать узоры русскихъ полотенцевъ, простынь и проч. ко времени несомнѣнному. Это — орнаменты и заглавныя буквы нашихъ рукописей. Время происхожденія каждой рукописи почти всегда можетъ быть опредѣлено съ полнѣйшею достовѣрностью, и вотъ на такіе-то твердыя точки опоры могутъ опереться русскіе узоры.

Главнѣйшія и характернѣйшія фигуры нашихъ выпивокъ имѣютъ самое близкое сходство съ орнаментами и заглавными буквами нашихъ рукописей XII, XIII и XIV вѣковъ, особенно двухъ послѣднихъ, и здѣсь заключаются необыкновенно важныя матеріалы національнаго нашего искусства и мимнологіи (русунки рукописей XII вѣка содержатъ по большей части лишь первые зачатки того, что съ полною силою и опредѣленностью высказалось въ рисункахъ рукописей XIII и XIV вѣка). Для примѣра представимъ слѣдующіе пемногіе, но вполне убѣдительные примѣры.

Наши многочисленныя *двуглавыя птицы* (№№ 80—81, 149—156 и т. д.) имѣютъ своихъ прототиповъ въ изображеніяхъ двуглавыхъ птицъ, сильно распространенныхъ въ нашей древности, и, между прочимъ, много разъ повторенныхъ и въ заглавныхъ буквахъ XIII и XIV вѣка. Предлагаемая здѣсь подъ лит.

гине постеріуре au XVI siècle; les édifices surmontés de croix, ce sont des églises, car elles sont toujours exposées à la vue des paysannes brodeuses etc.

Tout cela est inexact et n'a aucune valeur pour l'explication de nos dessins. La provenance en est complètement autre.

Bien entendu, dans la masse des dessins russes brodés il s'en trouve un certain nombre dûs à l'invention individuelle des propriétaires ou des paysannes, à une époque récente, ou bien copiés d'après les divers objets qui s'offraient le plus souvent à leur vue: mais la proportion, au milieu de la masse générale, est dans ce cas si minime, si nulle, qu'elle ne mérite aucune mention. Or, toutes les fois que l'on questionne, dans telle contrée voulue de la Russie, les paysannes, brochant les essuie-mains, les draps-de-lit, les coiffures etc., on reçoit toujours la même réponse, savoir, que tout en brochant leurs dessins de mémoire, elles suivent constamment des originaux traditionnels, venant des *temps anciens*, et transmis de génération en génération. Tant sous le rapport des localités, que sous celui du temps, nos dessins ne peuvent en aucune façon être rapportés là où on le voudrait quelquefois.

Sous le rapport du temps — ils n'appartiennent pas à l'époque des czars, car les figures (telles que par ex. les oiseaux à deux têtes) qui, au premier coup d'œil, sembleraient se rapporter spécialement à cette époque, apparaissent chez nous bien avant l'institution de la dignité de czar et l'adoption, par l'état, de l'aigle à deux têtes, — sur des monuments d'une signification tout autre, et veulent, par conséquent, une explication complètement différente; plusieurs autres figures (telles que par ex. les diverses croix) qui paraîtraient appartenir au cercle d'idées et de représentations chrétiennes, se rencontrent en masse déjà à des époques de beaucoup antérieures à la religion chrétienne.

Sous le rapport des localités, nos ornements n'ont pu naître spécialement dans le sein de notre patrie, car ils existent chez bien d'autres peuples de temps immémorial, bien avant l'apparition de la Russie au seuil de l'histoire. Et ce sont ces questions qui doivent être examinées ici.

Nous avons à notre disposition tout une série de monuments qui donnent la faculté de ranger les dessins des essuie-mains, draps-de-lit etc. russes, à une époque indubitable. Ce sont — les ornements et les initiales de nos manuscrits. L'époque de la provenance de chaque manuscrits peut généralement être fixée avec la plus complète exactitude, et c'est sur ces solides points d'appui que se basent les dessins russes.

Les figures les plus importantes et les plus caractéristiques de nos broderies ont une ressemblance très rapprochée avec les ornements et les initiales de nos manuscrits des XII, XIII et XIV siècles, particulièrement avec ceux des deux derniers, et c'est ici que sont déposés les matériaux les plus remarquables de notre art national (les dessins des manuscrits du XII siècle ne contiennent pour la plupart que les embryons de ce qui s'est développé et s'est produit avec le plus de plénitude dans les manuscrits des XIII et XIV siècles).

Pour preuve, nous donnons ici des exemples peu nombreux il est vrai, mais, nous l'espérons, suffisamment persuasifs.

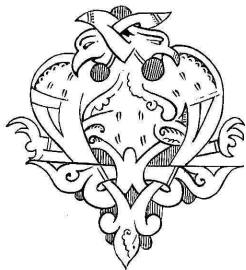
Nos *oiseaux à deux têtes* (№№ 80, 81, 149—156 etc.) ont leurs prototypes dans les représentations du même genre, fort usitées à nos époques les reculées et, entre autre, répétés bien des fois dans les initiales des XIII et XIV siècle. L'exemple sous la lettre A (reproduisant l'initiale russe О) est pris dans un psau-

А фигура (буква О) взята из Псалтиря XIV вѣка, Императорской Публичной библиотеки (изъ колл. Фролова), ф°, № 2.

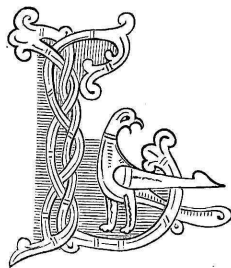
Однотелая птицы, такъ часто встрѣчающіяся на нашихъ вышивкахъ, со сложеннымъ или распушеннымъ хвостомъ, но стоящая непременно около дерева и обращенная одна къ другой, (№№ 82 верхній подзоръ, 107, 116—117, 120, 123, 125—126, 130—135 и т. д.) имѣютъ много прототиповъ въ древнихъ памятникахъ и рукописяхъ. Прилагаемый подъ лит. В примѣръ (буква В) взятъ изъ Евангелія 1270 года, ф°, Румянцовскаго музея.

Однотелая птицы, какъ бы прикрѣпленные къ дереву и обращенныя другъ къ другу спиной—нерѣдки въ нашихъ вышивкахъ (№ 143), имѣютъ много прототиповъ въ нашей древности. Прилагаемый подъ лит. С примѣръ (буква У) взятъ изъ Апостола XIV вѣка, ф°, Публичной библиотеки (изъ колл. Погодина).

Фантастическія четвероногія, стоящая подъ деревомъ, обративъ голову назадъ (№№ 161, 163, 165 и т. д.), имѣютъ много прототиповъ въ нашей древности. Прилагаемый подъ лит. D примѣръ (буква В) взятъ изъ Евангелія 1270 года, ф°, Румянцовскаго музея.

А.

В.

С.

D.

Фантастическія животныя, въ видѣ, съ распушенными крыльями и хвостомъ, растворенною пастью и простертыми впередъ лапами (№ 160 б¹) нерѣдко встрѣчаются въ изображеніяхъ древняго нашего искусства. Прилагаемый подъ лит. Е примѣръ (буква О) взятъ изъ Псалтиря XIV вѣка, ф°, Публичной библиотеки, № 3.

Фантастическія существа, съ птичьимъ тѣломъ и человѣческимъ лицомъ (№№ 135 а, 147, 215 и т. д.) очень часто встрѣчаются въ древнихъ русскихъ памятникахъ. Прилагаемый подъ лит. F примѣръ (буква И) взятъ изъ Евангелія XIV вѣка, ф°, библиотеки Академіи Наукъ.

Фантастическіе львы стоящіе съ поднятой лапой у дерева (№№ 124, 162, 164 и т. д.); человѣческія фигуры, держащія въ поднятыя руки птицъ, вѣточки и сосуды (№№ 122, 127, 137, 153, 155, 156, 160 а, 161, 167—170, 176—177, 180, 183 и т. д.), или же держащія на привязи фантастическіхъ зверей и животныхъ (№№ 190, 207, 208, 210, 211 и т. д.), также имѣютъ своихъ прототиповъ въ древнихъ нашихъ памятникахъ, и, въ томъ числѣ, въ орнаментахъ и заглавныхъ буквахъ рукописей XIII и XIV вѣка. Мы не приводимъ примѣровъ, по ихъ многочисленности; но приведемъ одну очень за-

Е.

F.

иниалъ изъ нашихъ рукописей XIII и XIV вѣковъ. Мы не приводимъ примѣровъ, по ихъ многочисленности; но приведемъ одну очень за-

тиер du XIV s., appartenant à la Bibliothèque impériale publique (coll. Froloff), f°, № 2.

Les oiseaux à une tête, si communs dans nos broderies (tantôt la queue ployée et tantôt la queue étalée) et tournés l'un vers l'autre (№№ 82 dessin supérieur, 107, 116—117, 120, 123, 125—126, 130—135 etc.) ont bien des prototypes dans les monuments anciens et dans les manuscrits. L'exemple, offert sous la lettre B (reproduisant l'initiale russe В) est pris dans l'Evangile de 1270, f°, du musée Roumiantzeff.

Les oiseaux à une tête, qui semblent être fixés à l'arbre et adossés, communs dans nos broderies (№ 143), ont beaucoup de prototypes dans notre art ancien. L'exemple offert sous la lettre C (reproduisant l'initiale russe У) est pris dans un Apostolaire du XIV s., f°, de la Bibliothèque publique (coll. Pogodine).

Les quadrupèdes fantastiques, se tenant sous un arbre, la tête retournée en arrière (№№ 161, 163, 165 etc.), ont beaucoup de prototypes dans notre antiquité. L'exemple offert sous la lettre D (reproduisant l'initiale russe В) est pris dans l'Evangile de 1270, f°, du musée Roumiantzeff.

Les animaux fantastiques, avec une couronne sur la tête, les ailes et la queue étalées, la queue ouverte et les griffes avancées (№ 160 б¹) sont fréquents dans les représentations de notre ancien art. L'exemple offert sous la lettre E (reproduisant l'initiale russe О) est pris dans un Psautier du XIVs., f°, de la Bibliothèque publique, № 3.

Les êtres fantastiques à corps d'oiseau et à figure humaine (№№ 135 а, 147, 215 etc.) sont fréquents dans les anciens monuments russes. L'exemple offert sous la lettre F (reproduisant l'initiale russe И) est pris dans un Evangile du XIV s., f°, de la bibliothèque de l'académie des sciences.

Les lions fantastiques, se tenant auprès d'un arbre, la patte levée (№№ 124, 162, 164 etc.); les figures humaines tenant dans leurs mains levées des oiseaux, des rameaux et des vases (№№ 122, 127, 137, 153, 155, 156, 160 а, 161, 167—170, 176—177, 180, 183, etc.), ou bien tenant en bride des animaux fantastiques (№№ 190, 207, 208, 210, 211 etc.) ont également des prototypes dans nos monuments anciens, et aussi dans les ornements et les

initiales de nos manuscrits des XIII et XIV siècles. Nous ne donnons pas d'exemples, qui seraient trop compliqués, mais nous nous bornerons à citer une figure fort remarquable (le № 163)

¹ По ошибкѣ рисовальщика, этотъ рисунокъ (помѣщенный на листѣ ЛIII б) обозначенъ цифрою 138, вмѣсто 160 б.

¹ Par une erreur du dessinateur, ce dessin (placé sur la feuille LIII б) porte le chiffre 138, au lieu de 160 б.

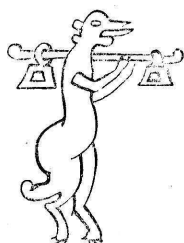
мѣчательную фигуру (№ 168)—несущую на коромыслах сосуды, о значеніи которыхъ будетъ говорено ниже: точно такіе же сосуды несетъ на коромыслахъ одна фантастическая фигура (буква Т) въ Паремейникѣ 1271 года, 4°, Публичной бібліотеки: она представлена у насъ подъ лит. G.

Деревья, которыя ветки кончаются большими цвѣтками (№№ 67 верхній подзоръ; 124—126, 133, 136, 147—148, 155 верхній подзоръ; 157, 165, 170 и т. д.) очень обыкновенны въ древнихъ нашихъ памятникахъ. Прилагаемый подъ лит. H примѣръ (буква Р) взятъ изъ Евангелія XIV вѣка, f°, бібліотеки Академіи Наукъ.

Фантастическія крылья, которыми снабжены на нашихъ вышивкахъ извѣстныя колеса и деревья или столбы (№№ 160 а и б¹), 204 и т. д.) встрѣчаются и въ древнихъ русскихъ памятникахъ. Прилагаемый подъ лит. I примѣръ (буква К) взятъ изъ Евангелія XIV вѣка, f°, бібліотеки Академіи Наукъ.

Навязи или узлы, прикрѣпляемые къ деревьямъ (№№ 209, 191, 105 нижній подзоръ, 94 нижній подзоръ, 90, 9), очень обыкновенны на нашихъ памятникахъ. Примѣръ изъ рукописей см. на предъидущемъ рисункѣ.

Наконецъ, деревья по большей части на конусовидныхъ основаніяхъ, съ прикрѣпленными къ нимъ орнаментальными пластинками разной формы и другими украшеніями (№№ 73, 100, 101, 116—118, 126, 130, 134, 136, 143, 145 и т. д.), играютъ очень значительную роль въ древнихъ русскихъ памятникахъ. Что же касается до рукописей, то мы представляемъ здѣсь подъ лит. K, одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ и красивѣйшихъ примѣровъ этого рода (буква Т), заимствованный изъ Псалтири XIV вѣка, 4°, Публичной бібліотеки, № 2 (изъ колл. Погодина).

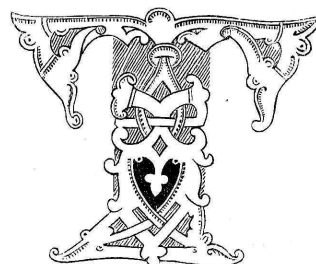
G.

H.

I.

K.

Эти немногіе, но, мы надѣемся, достаточно очевидные примѣры позволяютъ приурочить наши узоры самымъ несомнѣннымъ образомъ ко времени никакъ не позже XIII и XIV столѣтій; но такъ какъ невозможно предположить, чтобы орнаменты и заглавныя буквы, встрѣчаемыя въ рукописяхъ этихъ двухъ вѣковъ, были изобрѣтены именно только въ теченіе этихъ столѣтій—такъ какъ многіе изъ ихъ основныхъ элементовъ встрѣчаются уже ранѣе,—то изъ этого выходитъ, что и вышивки наши, совершенно однородныя съ орнаментами и буквами рукописей, восходятъ, по рисункамъ своимъ, до первыхъ столѣтій исторической древней Руси.

Послѣ приуроченія хронологическаго, приступимъ къ этнографическому приуроченію нашихъ вышивокъ.

Имѣемъ ли мы право утверждать, чтобы ихъ рисунки были чисто русскаго происхожденія, и чтобы они возникли на нашей отечественной почвѣ? Нѣтъ, мы его не имѣемъ, если даже принять во вниманіе одни только тѣ предметы, на которыхъ они встрѣчаются. Собственно русскихъ одеждъ вовсе

¹) Какъ уже выше сказано, на листахъ LIII а и LIII б, по ошибкѣ, оставленъ № 138 вмѣсто 160 а и 160 б.

portant, aux deux bouts d'un balancier, des vases, dont il sera parlé plus bas: des vases identiques et portés de la même façon par une figure fantastique (reproduisant l'initiale russe T) dans un livre d'Extraits de la Bible, de 1271, 4°, de la Bibliothèque publique. Nous la donnons sous la lettre G.

Les arbres, dont les branches se terminent en grandes fleurs (№№ 67 bande supérieure; 124—126, 133, 136, 147—148, 155 bande supér.; 157, 165, 170 etc.) sont très communs dans nos anciens monuments. L'exemple offert sous la lettre H (reproduisant l'initiale russe P) est pris dans un Evangile du XIV s., f°, de la bibliothèque de l'Académie des sciences.

Les ailes fantastiques, dont sont chargés, sur nos broderies, certains roues et certains arbres ou poteaux (№№ 160 а et б¹), 204 etc.) se trouvent sur nos anciens monuments. L'exemple offert sous la lettre I (reproduisant l'initiale russe K) est pris dans un Evangile du XIV s., f°, de la bibliothèque de l'Académie des sciences.

Les noeuds fixés aux arbres (№№ 209, 191, 105 bande infér., 94 id, 90, 9) sont fort communs sur nos monuments. Pour un exemple tiré des manuscrits, voyez le dessin précédent.

Enfin, les arbres posant pour l'ordinaire sur des bases coniques, avec des plaques ornementées et d'autres ornements fixés sur le tronc (№№ 73, 100, 101, 116—118, 126, 130, 134, 136, 143, 145 etc.) jouent un très grand rôle dans les anciens monuments russes. Pour ce qui regarde les manuscrits, nous offrons ici, sous la lettre K, l'un des exemples les plus remarquables et les plus beaux (il reproduit l'initiale russe T), emprunté à un Psautier du XIV s., 4°, de la Bibliothèque publique, № 2 (coll. Pogodine).

Ce peu d'exemples, qui sont malgré cela, nous l'espérons, assez probants, permettent d'attribuer, de la manière la plus indubitable, nos dessins brodés *pas plus tard* qu'aux siècles XIII et XIV; or, comme il serait difficile de supposer que les ornements et les initiales employés dans les manuscrits de ces deux siècles eussent été inventés précisément dans le courant de ces siècles, car plusieurs de leurs éléments apparaissent déjà avant cela,—nous arrivons à la conclusion, que nos broderies, appartenant exactement à la même catégorie que les ornements et les initiales des manuscrits, remontent, par leurs dessins, aux premiers siècles de l'ancienne Russie historiques.

Après la détermination *chronologique*, passons à la détermination *ethnographique* de nos broderies.

Avons nous le droit d'avancer, que ces dessins soient de provenance purement russe, et qu'ils soient éclos sur notre sol national? Non, nous ne l'avons pas, même dans le cas, où nous ne prendrions en considération que les seuls objets sur lesquels ils sont reproduits. Il n'existe point de vêtements proprement

^{*}) Comme nous l'avons déjà dit plus haut sur les feuilles LIII а et LIII б, on a mis par erreur sous les dessins, le № 138 au lieu de 160 а et 160 б.

не существует. Не говоря уже об одежде, более позднего у нас появления, имена которых достаточно свидетельствуют об их татарском происхождении (наприм. *кафтан, зипун, армяк*),—не говоря уже о них, трудно было бы не заметить, что и другие, более древние части русского костюма имеют происхождение чужеземное, заимствованное. Название русского общенародного *сарафана* (женской одежды без рукавов, с проймами, застегивающегося спереди, сверху до низу) происходит с персидского, от слова *сарпай* или *сарана*; название русского распространенного головного убора *кики* происходит от финского *кюкки*—курица¹⁾; наконец наша народная мужская рубашка, *бллая*, или, в самом грубом своем виде, *синяя*, с разрезом набок, составляющем характернейшую ее особенность,—есть копия с издревле национальной персидской синей рубашки, имеющей разрез на боку. Рубашка этого типа довольно распространена, как в Персии, по Кавказу, у грузин и частью даже у татар²⁾. Вышитые полотенца находятся в величайшем, и самом коренном, употреблении у финских народов и у персидцев. В виду этих фактов, трудно было бы предполагать, чтобы не были также иноземного происхождения русские и узоры, находящиеся на предметах, пришедших к нам от других народностей.

Но, переходя к рассмотрению самых узоров, мы тотчас же замечаем, что в них нет ничего самостоятельного, потому что все главные составные части их существуют у извѣстных народностей азиатского происхождения, которые обладают ими в течение долгих столѣтій и, конечно, никоим образом не могли заимствовать их от русских.

Восточные узоры, с которыми наши имеют всего более родства, дѣлятся на две главные группы: узоры **финские** и узоры **персидские**.

Съ финскими узорами и именно всего более съ узорами **восточных финских племенъ**, наши узоры имеют много общаго, начиная съ самого способа *вышиванья*. Лучшие старѣйшие и характернѣйшие наши узоры выполнены (какъ замѣчено уже выше) посредствомъ шитья двусторонняго, въ клетку и городками³⁾; точно также все вообще финские узоры выполнены именно посредствомъ этого способа⁴⁾. Правда, въ большинствѣ случаевъ, узоры мордовскіе, черемисскіе, чувашскіе, вотячскіе и т. д. вышиты разноцвѣтною шерстью, а иногда также и шелкомъ, тогда какъ главный нашъ матеріалъ—одна красная бумага и рѣже синія нитки; но, безъ сомнѣнія, *рисунки* въ настоящемъ случаѣ имеютъ болѣе значенія: *цвѣтъ нитки*: эти послѣдніе, вѣстѣ съ матеріаломъ, должны были зависѣть отъ экономическихъ и промышленныхъ условий разныхъ русскихъ мѣстностей.

Что касается до самыхъ рисунковъ, то общіе у насъ съ финскими тѣ, которые состоятъ изъ однихъ *геометрическихъ фигуръ*.

Такъ, наприм., *фигуры изъ нѣсколькихъ перекрещивающихся прямыхъ линий*, съ большимъ или малымъ крестомъ внутри или безъ него (№№ 20, 21, 22, 25, 27 и т. д.), встрѣчаются очень часто въ вышивкахъ восточныхъ финскихъ племенъ. Прила-

¹⁾ Примѣчательно, что и другія имена нашихъ женскихъ головныхъ уборовъ взяты отъ птицъ: какъ наприм. *кокошникъ* (отъ кокошь—курица), *сорока* (отъ птицы сороки и пр.).

²⁾ По всей вѣроятности, первоначальная русская рубашка была съ разрезомъ по срединѣ, какъ въ остальной Европѣ и у всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ, а также и у южно-руссовъ (малороссіянъ), такъ какъ названіе ея *сорока* (сорочка) происходитъ отъ скандинавскаго *serker*—шитье, одежда. Когда, черезъ какое посредство принята великоруссами, отъ котораго нибудь иранскаго племени, рубашка съ косымъ воротомъ—покуда опредѣлить теперь еще невозможно.

³⁾ Въ нашихъ примѣрахъ, помѣщенныхъ внутри текста, мы, для облегченія гравера, представляли рисунки общими прямыми линиями, безъ городковъ, кромѣ примѣровъ подъ лит. Q, R, S, FF.

⁴⁾ Узоры *западныхъ финновъ* тѣ же, что и у восточныхъ финновъ, только ихъ вообще гораздо менѣе, и сверхъ того, они бѣднѣе и однообразнѣе.

русскихъ. Sans parler des habillements de date postérieure chez nous, dont les noms témoignent suffisamment de leur provenance tartare (tels que: le *kaftan*, le *zipoun*, l'*armiak*)—sans parler de ceux-là, il serait difficile de ne pas remarquer, que les autres parties du costume russe, qui sont plus anciennes, sont de provenance étrangère. Le nom de *sarafan* (vêtement général de femme russe, sans manches, boutonné par devant, de haut en bas) vient du persan (*sarpai* ou *sarapa*); le nom de *kiku* (coiffure de femme russe très-répandue) vient du finnois *kukko*—poule¹⁾; enfin, notre chemise nationale d'homme, *blanche*, ou dans son plus grossier aspect, *bleue*, avec une fente latérale sur la poitrine—ce qui forme sa plus originale particularité—est une copie de l'ancienne chemise nationale persane, *bleue* et également pourvue d'une fente latérale sur la poitrine (cette chemise a eu, venant de Perse, une assez grande extension au Caucase, chez les géorgiens et en partie même chez les tartares²⁾). Les essuie-mains brodés sont d'un usage commun et fort ancien chez les peuplades finnoises et chez les persans. Vu l'existence de tous ces faits, il serait difficile de ne point supposer une provenance étrangère aux ornements et aux des-*ins* qui couvrent des objets reçus par nous des mains de nationalités étrangères.

Mais, en passant à l'examen des dessins eux-mêmes, nous observons dès le premier abord, qu'ils ne contiennent rien qui leur appartienne en propre, car tous leurs principaux éléments existent déjà chez certaines nationalités de souche asiatique, qui les possèdent depuis nombre de siècles et, certainement, n'ont jamais pu les emprunter aux russes.

Les dessins orientaux, avec lesquels les nôtres ont le plus d'affinité, se divisent en deux groupes principaux: les **finnois** et les **persans**.

Nos dessins ont beaucoup de commun avec les dessins finnois, et particulièrement ceux des **finnois orientaux**, à commencer par les procédés de la broderie. Nos meilleurs, nos plus anciens et nos plus caractéristiques dessins sont exécutés (comme nous l'avons déjà observé plus haut)—en quadrillé et en festons³⁾: de même tous les dessins finnois en général sont exécutés au moyen de ce procédé. Il est vrai de dire, que pour la plupart, les dessins mordvines, tshérémises, tshouvaches, votiaques etc. sont brodés en laines de diverses couleurs et quelquefois en soies, tandis que nous employons principalement pour la broderie le coton rouge et, plus rarement, le fil bleu,—mais, sans nul doute, les *dessins* eux-mêmes ont plus de valeur que les *couleurs*: ces dernières, ensemble avec les matériaux, ont dû dépendre des conditions économique et industrielles des diverses localités russes.

Pour ce qui regarde les dessins, les plus rapprochés de l'invention finnoise, ce sont parmi les nôtres, ceux composés uniquement de *figures géométriques*.

C'est ainsi que, par exemple, les *figures formées de plusieurs lignes droites croisées*, avec grande ou petite croix à l'intérieur, ou sans la croix (№№ 20, 21, 22, 25, 27 etc.) se voient souvent dans les broderies des finnois orientaux. L'exemple, offert sous

¹⁾ Il est curieux d'observer que les autres noms de nos coiffures de femme viennent également de noms d'oiseaux: *kokoshnik* de *kokosh* (poule), *soroka*—de *soroka* (pie), etc.

²⁾ D'après toute probabilité, la chemise primitive russe aura eu une fente sur le milieu de la poitrine, comme dans le reste de l'Europe et chez tous les autres peuples slaves, ainsi que chez les russes méridionaux (petits russiens), car son nom de *soroka* (*sorotshka*) vient du mot scandinave *serker*—vêtement. A quelle époque précise et par quels canaux conducteurs la chemise iranienne, la chemise à fente latérale, est arrivée chez les Grand-russiens—cette question est encore, pour le moment actuel, insoluble.

³⁾ Dans les exemples, intercalés dans notre texte nous avons toujours ornés les festons et reproduit les dessins par les lignes droites, pour alléger la tâche du graveur. Les seules exceptions se trouvent aux lettres Q, R, S, FF.

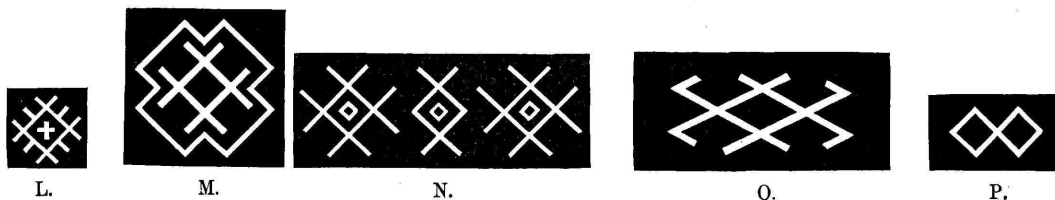
⁴⁾ Les dessins des finnois occidentaux sont les mêmes que ceux des finnois orientaux, seulement il y en a moins, et en outre, ils sont plus pauvres et plus monotones.

гаемый под лит. L образец взять с черемисского передника, из музея Географического общества.

Фигуры из четырех и из двух пересекającychся линий (№№ 41, 43, 44, 48 нижний подзор, 55, 175 и т. д.) часто встречаются в узорах восточных финнов. Прилагаемые примѣры взяты: первый, лит. M, с остяцкой рубашки, из музея Академии Наук, второй лит. N — с вотяцкого костюма, из музея Географического общества.

Фигуры из четырех пересекającychся прямых линий с закрученными концами в видъ крючковъ (№ 50) часты в восточно-финских узорах. Прилагаемый под лит. O примѣръ взять с вотяцкого головного убора, из музея Географического общества.

Фигуры из прямых линий в видъ цифры 8 (№№ 9, 55 нижний подзор) часты в восточно-финских узорах. Прилагаемый под лит. P примѣръ взять с остяцкой рубашки, уже упомянутой под лит. M.

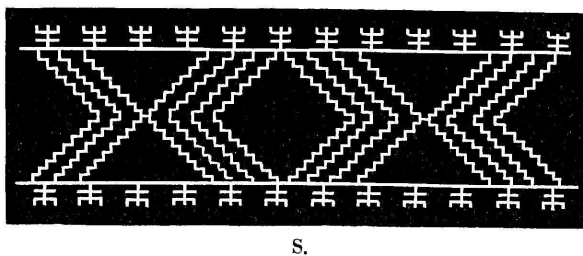

Решетки из крестиковъ (№№ 84, 87, 162, 201) часты в восточно-финских узорах. Прилагаемый под лит. Q примѣръ взять с остяцкой рубашки, из музея Академии Наук.

Решетка из двух параллельно идущих полосъ зигзагов, пересекającychся на правильныхъ расстояніяхъ маленькими ромбамъ (№№ 43 верхний подзор, 87 и 162 на узкой сторонѣ) часто встречается в восточно-финских узорах. Прилагаемый под лит. R образец взять с вышитого кармана, принадлежащего к вотяцкому костюму, из музея Географического общества.

Ряды ромбовъ, вставленныхъ одни въ другіе (№№ 26, 27, нижний подзор, 127) часты в восточно-финских узорах. Прилагаемый под лит. S примѣръ взять с черемисской рубашки, из музея Географического общества.

Ряды ромбовъ, входящихъ одни въ другіе угломъ (№№ 39 и 47), часты в восточно-финских узорах. Прилагаемый под лит. T примѣръ взять с черемисской рубашки, из музея Географического общества.

Ряды ромбовъ со звѣздами внутри (№№ 36—38, 42, 45—46) очень часты в восточно-финских узорах. Прилагаемый под лит. V примѣръ взять с мордовской кички, из музея Академии Наук.

Завитки спиральями (№№ 115, 24, 85, 88, 106, 119, 136, 144 и т. д.) очень часты в восточно-финских узорах. Прила-

гаемая лит. L, est pris d'un tablier tshérémisse, appartenant au musée de la Société de géographie.

Les figures formées de quatre ou de deux lignes droites croisées (№№ 41, 43, 44, 48 bande infér., 55, 175 etc.) se voient souvent dans les dessins des finnois orientaux. Les exemples offerts sont pris, le premier, lettre M, d'une chemise ostiaque, du musée de l'Académie des sciences, et le second, lettre N, d'un costume votiaque, du musée de la Société géographique.

Les figures formées de quatre lignes droites recourbées en crochet et croisées (№ 50) sont fréquentes dans les dessins des finnois orientaux. L'exemple, offert sans la lettre O, est pris d'une coiffure de femme votiaque, du musée de la Société géographique.

Les figures formées de lignes droites en forme de chiffre 8 (№№ 9, 55 bande infér.) sont fréquentes dans les dessins des finnois orientaux. L'exemple, offert sous la lettre P, est pris de la chemise ostiaque, citée à la lettre M.

Les treillages formés de petites croix (№№ 84, 87, 162, 201) sont fréquents dans les dessins des finnois orientaux. L'exemple, offert sous la lettre Q, est pris d'une chemise ostiaque, du musée de l'Académie des sciences.

Les treillages formés de deux bandes parallèles de zigzags, traversées à intervalles réguliers par de petits losanges (№№ 43 bande supér., 87 et 162 côté étroit) sont fréquents dans les dessins des finnois orientaux. L'exemple, offert sous la lettre R, est pris d'une bourse brodée, appartenant à un costume votiaque, et faisant partie du musée de la Société géographique.

Les rangées de losanges rentrant l'un dans l'autre (№№ 26, 27 bande infér., 127) sont fréquents dans les dessins des finnois orientaux. L'exemple, offert sous la lettre S, est pris d'une chemise tshérémisse, du musée de la Société géographique.

Les rangées de losanges rentrant l'un dans l'autre par un coin (№№ 39, 47) sont fréquentes dans les dessins des finnois orientaux. L'exemple, offert sous la lettre T, est pris d'une chemise tshérémisse, du musée de la Société géographique.

Les rangées de losanges avec des étoiles à l'intérieur (№№ 36—38, 42, 45—46) sont fréquentes dans les dessins des finnois orientaux. L'exemple offert sous la lettre V, est pris d'une kilshka mordvine, du musée de l'Académie des sciences.

Les enroulements en spirale (№№ 115, 24, 85, 88, 106, 119, 136, 144 etc.) sont très fréquents dans les dessins des finnois